

Бездушное сознание — враг всего живого.

Атмосфера встречи стаи оказалась ничуть не теплее туманного воздуха из кондиционеров, и явно не собиралась улучшаться, подумал модератус Коскинен. Скамёльд уже рвался в бой после происшествия на тренировочной палубе. Коскинен уважал Скамёльда, но он ему не нравился, хотя модератус и не мог винить принцепса за гнев.

За прошедшие после нападения “Луны Капиталины” на “Канис Ульфрика” две недели кузни на носу ковчега Механикус работали в три смены, создавая новое оружие и листы брони, чтобы заменить уничтоженные компоненты “Разбойника”. Целая армия техножрецов, аколитов легио и инженеров трудилась над павшим титаном, возвращая его в боевую готовность. Столь сложная задача обычно требовала месяцев напряжённой работы, ритуалов и освящений, но фабрикатус ковчега огромный инженер-магос по имени Тарентек сотворил чудо и резко сократил это время. Титан скоро встанет со строительных колыбелей, возрождённый и отремонтированный, но Коскинен знал, что не физические повреждения являлись самыми тяжёлыми последствиями нападения.

Он стоял возле саркофага Люта, прижав ладонь к бронестеклу и чувствуя дремлющее сердцебиение божественного существа внутри. Магос Гирдрид работала за контролирующим устройством, прикреплённым к нижней части саркофага, и мигающие сигнальные огни показывали процесс восстановления здоровья принцепса.

Люту всё ещё предстояло пробудиться из неврологического сна, и кто знал в каком душевном состоянии окажется принцепс, когда его разбудят? Он вспомнит, что произошло на тренировочной палубе или всё ещё будет вести отчаянный бой в Серном Каньоне? Даже старшие из легио Биологис не могли сказать наверняка, какой эффект эти действия оказали на его разум. Коскинен хотел, чтобы Лют остался в здравом уме, потому что оставался только один воин, способный принять командование в случае признания альфа-принцепса непригодным к службе.

Саркофаг Скамёльда стоял напротив Люта, подключённый к встроенной панели медицинского темплума, предоставленного в распоряжение легио архимагосом Котовым. Принцепс “Разбойника” выглядел затенённой фигурой, которая висела в молочно-белой суспензии, словно безрукое и безногое привидение. Его саркофаг был немного меньше и более украшенным, чем у Люта, потому что его ввели в эксплуатацию под началом другого фабрикатора.

Скамёльд также сильно пострадал и магос Охтар с великим усердием заботился о своём принцепсе. “Разбойник” едва не погиб, и боль обратной связи должна была быть невыносимой. Как и “Луна Капиталина” “Канис Ульфрика” тоже потерял модератуса. Тобайас Осара испарился во время взрыва, который уничтожил руку “Разбойника”, а второй модератус Йоаким Бальдур получил тяжёлое ранение. Его правую руку и часть черепа покрывал эластичный бинт, а обожжённую кожу заменили искусственно выращенной. Бальдур впился взглядом в Коскинена, словно тот лично был виновен в конфликте между титанами. Коскинен не поддался на уловку и молчал, пока все ожидали Оборотня.

Холодный воздух заполнял медицинский темплум и Коскинен плотнее закутался в форменный китель, жалея, что не додумался одеться потеплее. Температуру внутри помещения тщательно контролировали, и тонкий слой инея покрывал металлические символы Омниссии на стенах, изолированное оборудование центрального когитатора и мозаичный пол. Стерильные стальные листы облицовывали нижнюю половину стен, а с потолка свисала сложная сеть ребристых трубопроводов, и из них время от времени вырывались струйки аммиачного пара. Под потолком располагались сотни цилиндров из прочного стекла, в каждом из которых легко мог поместиться человек, их удерживали механические рычаги, они же в случае необходимости опускали их на пол. Коскинену довелось плавать в одной из таких заполненных жидкостью капсул после сражения с тиранидами на Бета Фортанис, когда его инфокровоток очищали от отбрасываемых данных и манифольдного мусора.

Не самое приятное воспоминание, учитывая, что такие чистки нельзя было назвать безболезненными процедурами.

По медицинскому темплуму прохаживался Элиас Хяркин, опустошённое патогенами тело которого было полностью заключено в сетчатый экзоскелет из меди и серебра. Весь его красно-чёрный бритый череп покрывали синие символы: растрёпанные волчьи хвосты, окровавленные клыки и светившиеся во тьме глаза. Атрофированные лицевые мышцы подёргивались от электро-стимуляторов, которые компенсировали цереброваскулярное расстройство и позволяли говорить отрывистыми сериями тестовых сигналов. Как и большинство принцепсов Хяркин испытывал отвращение от разрыва связи с “Вилкой” и его неспособное самостоятельно передвигаться тело двигалось с неестественной сгорбленной походкой, почти не отличаясь от “Пса войны”, которым он управлял.

Как принцепс он был богом, как смертный — калеккой.

Герметичная дверь скользнула, открываясь, и вошёл Оборотень. Серебристые волосы самого молодого принцепса легио Сириус Гуннара Винтраса были коротко подстрижены, а парадная форма выглядела накрахмаленной и выглаженной, словно он собирался присутствовать на торжественном собрании легио. С одного бедра свисала на платиновой цепи кривая силовая сабля, а на другом размещалась кобура с инкрустированным золотом болт-пистолетом.

— Рад видеть вас, — произнёс Хяркин, несмотря на расстроенную артикуляцию его слова прозвучали вполне понятно благодаря искусственным мышцам, хотя всё ещё и оставались искажёнными.

— И я рад видеть вас, Элиас, — ответил Винтрас, сев за центральный комплекс когитаторов. — Когда Лунная Скорбь созывает встречу стаи — я прибегаю.

— Встреча началась тридцать минут назад, — заметил Хяркин.

Винтрас пожал плечами и вскочил, словно ему уже надоело сидеть.

— Чтобы хорошо одеться нужно время, — ответил он, приводя в порядок мундир и счищая

невидимую пылинку с эполетов на плече. — Вас разумеется одели ваши кибер-слуги, не так ли? Уверен, они старались изо всех сил.

— Вы понимаете, что принцепс Лют не умер? — спросил Коскинен, возмущённый поведением Винтраса.

Винтрас обошёл когитаторы и остановился перед ним, и Коскинен сразу пожалел, что открыл рот. Служить модератусом на “Владыке войны” — великая честь, но любой принцепс — даже принцепс “Пса войны” — был старше по званию и имел право оборвать его жизнь.

— Что это, модератус забыл своё место? — произнёс Винтрас, склонившись над Коскиненом и оскалив зубы с острыми клыками. — Поосторожней, человечек, пока страшный серый волк не перегрыз тебе глотку.

+Оставь парня в покое, Винтрас,+ раздался резкий голос из аугмитов саркофага Скамёльда.
+Он видит, что ты пришёл на встречу стаи одетый как на похороны.+

— Прошу прощения, Лунная Скорбь, — сказал Винтрас, отступив со звериным оскалом. — Я жду вашего слова.

— Правильно, сейчас все здесь, Скамёльд, — проворчал Хяркин, его экзоскелет скрипел и лязгал, когда он снова начал прохаживаться по темплуму. — Что вы хотели от нас?

+Ты знаешь, чего я хочу. Командования. Лют изжил себя. Его время прошло. Я главенствую над легио. Вы все знаете это.+

Никто не ответил. Коскинен и Гирдрид ожидали подобного развития событий, но услышать такое произнесённым вслух и столь дерзко перед остальным легио всё равно стало шоком. Осматривая медицинский темплум Коскинен понял, что никто не хотел видеть Лунную Скорбь главным. Взаимоотношение внутри стаи являлись отражением альфы и холодное сердце Скамёльда, в конечном счёте, возьмёт своё и станет доминировать над титанами под его командованием, и превратит их из дружных охотников в злобных хищников. Хяркин выглядел потрясённым предложением Скамёльда и даже Винтрас казался встревоженным, хотя он, скорее всего, понимал, что так и произойдёт.

— Принцепс Лют ещё может проснуться, — сказал Хяркин.

+И когда он проснётся, кто-нибудь из присутствующих может сказать, что он не будет грезить былыми войнами, и снова не обратит оружие на брата из стаи?+

Коскинен хотел высказаться в защиту Люта, но Магос Биологис так и не установили причину кошмара и не могли дать гарантии, что подобное психическое расстройство не повторится. Скамёльд сказал только правду, но чувство справедливости модератуса всё равно противилось

ей, потому что принцепс “Разбойника” вырывал лидерство над стаей, когда альфа не мог защитить своё положение.

— Правом командования должны наделять Старокровные, — возразил принцепс Хяркин в последней отчаянной попытке следовать протоколу легио.

+Старокровных здесь нет. Здесь мы. Я. Зимнее Солнце повернул оружие против брата-воина. Нет большего преступления против стаи. Почему ты вообще споришь, Железная Синь? Я — Лунная Скорбь и ты не равен мне.+

Хяркин склонил голову, лязгая экзо-суставами. — Вы — старший стаи, Лунная Скорбь.

+Тогда закончим с этим. Я — альфа-принцепс.+

+Нет.+

Коскинен подпрыгнул от звука из саркофага за спиной. Принцепс Арно Лют плавал за стеклом, его выпуклый вытянутый череп всё ещё кровоточил после недавних многочисленных инвазивных операций. Соединяющие с манифольдом кабели отсутствовали, и резбовые разёмы в груди и позвоночнике зияли, словно раны со стальными краями. На передней панели саркофага мерцали зелёные огоньки, и Коскинен увидел, как Гирдрид вытащила незаметный инфоштекер.

+Я — Зимнее Солнце, и ты не равен мне.+

Манифольдная станция Валетте висела во мраке на краю системы, словно терпеливый паук, поджидающий в сети неосторожную жертву. Лёд мерцал на её тёмной круглой средней секции, а из медленно вращавшегося центрального коммуникационного отсека тянулось множество механических манипуляторов, ауспиков, топографов, перехватывающих авгуров и пси-проводников. Хотя “Сперанца” всё ещё оставалась в сотнях тысяч километров от станции, носовые пикт-устройства воспроизводили её изображение с идеальной точностью.

Почтительная тишина воцарилась на мостике ковчега. Как последнее место, получившее сообщение от магоса Телока, манифольдная станция Валетте одновременно представляла собой святое место и памятник. Ни один из собравшихся магосов не мог не признать важность путешествия к ней, прежде чем попытаться пробиться сквозь Шрам Ореола.

Магос Азурамаджелли сохранял курс и контролировал постепенное увеличение мощности двигателя, по мере продолжения ремонта в повреждённой камере сгорания. Из-за потери огромного количества крепостных Сайиксека возникли проблемы, но благодаря использованию рабочих бригад сервиторов с опустевших перерабатывающих судов ожидаемое падение производительности и эффективности оказалось меньше, чем боялся магистр двигателей. В самой дальней части мостика Линья и Виталий Тихоны работали за станцией астронавигации, умело управляя парой четырёхмерных карт.

Магос Блейлок располагался возле командного трона, обрабатывая входящую информацию судна и позволяя Котову поддерживать связь со “Сперанцей”. Ковчег Механикус всё ещё капризничал после инцидента с титанами, и требовалось лёгкое прикосновение, чтобы системы сохраняли спокойствие. Большая часть познавательных способностей Котова была направлена на исцеление духовных ран корабля и восстановление его полного доверия. Почти весь поток ситуативных знаний, который он обрабатывал бы на подсознательном уровне, архимагос вынужден был делегировать подчинённым и узнавать из вторых рук.

— Есть какой-нибудь ответ на наши бинарные запросы? — спросил Котов.

— Нет, архимагос, — ответил Блейлок, просеивающий накопленные данные, после сканирования затемнённой станции. — Нас продолжают игнорировать.

— И её манифольд по-прежнему не устанавливает связь?

— Не устанавливает, — согласился Блейлок. — Это удивляет сильнее всего.

Котов уделил время, чтобы осмотреть далёкую станцию, которая выглядела почти чёрной на фоне призматического пятна Шрама Ореола за короной света системного солнца. Он тщательно изучал аномалию на краю галактики, но впервые вживую увидев её, почувствовал странное ощущение волнения и страха.

Эмоции, которые Котов считал давно преданными земле в органическом прошлом.

Тихоны собрали огромное количество информации об уродливом явлении, чтобы проложить путь сквозь гравитационные бури, бушующие внутри его туманных границ. Их работа была высоко детализированной, но накопленная за тысячи лет на манифольдной станции имматериологическая статистика сильно поможет в картографических уравнениях. Вот только пока единственным ответом на многочисленные попытки убедить станцию загрузить данные на “Сперанцу” оставались статические помехи.

И всё же сколь ни завораживало искривление пространства-времени Шрама Ореола, Котов предпочёл снова остановить взгляд на манифольдной станции. Шестьсот метров шириной в центральной секции и триста метров высотой — она была почти невидимой пылинкой посреди мрака галактической пустоши. Только вспышки тусклого звёздного света на льду на корпусе позволял различать её очертания. Словно замороженные снежинки вокруг станции кружили блестящие скопления осколков, но происхождение этих крошечных обломков оставалось тайной.

И Котов ненавидел тайны, на которые не мог найти ответы.

Призрачная и бездействующая станция продолжала следовать по своей древней орбите, пойманная гравитацией и физикой.

Котов обладал множеством чувств, больше чем любой неаугметированный смертный мог надеяться постичь или использовать, и они искали любой знак, что кто-то или что-то живо на станции Валетте. До сих пор они не предоставили ни малейшего намёка, что он найдёт живым хотя бы одного из членов экипажа.

И всё же Котов не мог избавиться от чувства, что что-то на станции смотрело на них, изучало, наблюдало...

— Время до перехвата? — спросил он, отбросив смехотворное органическое убеждение, что за ними наблюдают.

— Три часа пятнадцать минут, архимагос, — ответил Азурамаджелли, направив экзо-тело ко второй станции астронавигации. Веретенovidные руки-манипуляторы появились из нижней половины экзо-арматурного корпуса и извлекли физическую клавиатуру.

— Проблема, Азурамаджелли?

Две из мозговых колб магистра астронавигации повернулись, пока он отвечал.

— Неизвестно. С тех пор как мы вышли из варпа кормовые ауспики фиксируют неустойчивый контакт. Я ничего не могу с этим поделать, но это странно.

— Что это, по-вашему? Другой корабль?

— Скорее всего, это остаточное вмешательство варпа или побочный результат наших недавних проблем, — сказал Азурамаджелли, аккуратно настраивая руками-манипуляторами расплывчатое изображение на ауспике. — Но, да, я полагаю, что это может быть корабль.

— “Клинок Чести”?

— Сомневаюсь, правда, вычисления затруднены из-за близости Шрама Ореола к дальней границе системы. Возможно, с доступом к основной станции астронавигации я мог бы предоставить вам более точный ответ, архимагос.

Котов проигнорировал выпад в сторону Тихонов и сказал. — Наблюдайте за этими призрачными показателями и сообщайте мне о любых изменениях.

Мозговые колбы Азурамаджелли отвернулись, и Котов услышал, как бронированные ворота мостика опустились в полированную палубу. Он считал биометрию Робаута Сюркуфа и повернул командный трон, чтобы оказаться лицом к вольному торговцу.

Человек ответил на вызов Котова и пришёл в свободном сером сюртуке Флота, обесцвеченном в

местах, где были сорваны нашивки. Тёмные брюки он заправил в коричневые сапоги до колена, и из уважения к хозяевам и эскорту скитариев капитан оставил кобуру на бедре пустой. Сюркуф поднялся на верхний ярус и потратил некоторое время, чтобы осмотреться, его взгляд задержался на госпоже Тихон на мгновение дольше, чем на любом другом человеке или вещи на мостике.

Повышенный сердечный ритм, расширенные зрачки, возросшая гормональная реакция.

Конечно же капитан не питал любовных мыслей к члену Культа Механикус? Сама идея была смехотворна.

Котов выбросил из головы глупость человека и произнёс. — Добро пожаловать на мостик, капитан. Спасибо, что навелили меня...

— Без проблем, — ответил Сюркуф. — Признаюсь, что с нетерпением ожидал увидеть мостик вашего корабля. Павелька и Силквуд хотели сопровождать меня, но они заняты, помогая магосу Сайиксеку на технических палубах.

— И что вы думаете о моём мостике? Впечатляет, не так ли?

— Должен признать, что он не слишком приводит в восторг, — подумав, ответил Робаут.

Котов почувствовал недовольство ковчега подобным снисходительным тоном, но быстро успокоил его, когда начал понимать.

Как же легко забыть об ограничениях смертных!

— Конечно, вы же не подключены к ноосфере.

— Нет, не подключён.

— Я принял как нечто само собой разумеющееся, что вы видите тоже, что и я.

— Никогда ничего не считайте само собой разумеющимся. Именно тогда вы начинаете ошибаться.

Раздражённый поучениями меньшего смертного Котов сделал сложный тактильный жест, и рядом с вольным торговцем из диафрагмированной палубы появилось ковшеобразное сиденье. Сюркуф откинул полы длиннополого кителя и сел, размотав тонкий изолированный кабель из изогнутого подголовника. Потребовалось несколько мгновений, чтобы найти разъём под волосами на затылке у шеи, он вставил соединительные штыри и защёлкнул зажим. Его тело дёрнулось с системным шоком от внезапной загрузки, но он расслабился с быстрой

непринуждённость опытного космического путешественника.

— А, — сказал он. — Теперь я вижу. Да, очень впечатляюще, архимагос.

— Мы почти в Шраме Ореола. Вы по-прежнему уверены, что сможете провести нас на противоположную сторону?

— У меня есть диск с астронавигационными данными, не так ли?

— Так вы утверждаете, но я пока не увидел никаких доказательств.

— Тогда вам нужно просто доверять мне, — ответил Сюркуф, кивнув на главный каскадный экран. — Перед нами манифольдная станция?

— Именно так.

— И это последнее место, получившее сообщение от Телока?

— Я полагал, что вы уже знаете эту информацию.

— Я читал её. Я думал, что станция Валетте всё ещё функционирует.

— Так мы считаем и сейчас.

Сюркуф покачал головой. — По этой штуковине не скажешь, что она долго работала.

— Вы правы, — согласился Котов. — Все излучения свидетельствуют, что комплекс находится в режиме бездействия.

— Вы знаете почему?

— Ещё нет, но скоро узнаю.

— Она похожа на космический скиталец, — сказал Сюркуф, сотворив знак аквилы на груди.

— Суеверия, капитан?

— Здравый смысл.

— Уверю вас, что на манифольдной станции нет ничего предосудительного.

— Откуда такая уверенность?

— Наши топографы не обнаружили ни малейшего источника угрозы.

Сюркуф ненадолго задумался. — На станции была команда?

— Нет необходимости использовать прошедшее время, капитан. Станция укомплектована магосами, пятью техноматами, тройкой астропатов и полукогортой сервиторов.

— Когда кто-нибудь прилетал сюда в последний раз, чтобы проверить, что они живы?

— Последний контакт со станцией Валетте произошёл восемьдесят стандартных терранских лет назад, когда магос Парацельс отправился с мира-кузни Грайя, чтобы заменить магоса Гефеста в рамках регулярного цикла командования. Парацельс выгрузил запись о прилёте в соответствии с графиком.

— Предположу, что Гефест вернулся на Грайю?

Котов помедлил перед ответом, снова сверяя соответствие информации из своего архива с тем, что располагался на “Сперанце”.

— Неизвестно, — наконец ответил он, не желая делать такое допущение. — Записи про магосов после их перевода на Валетте неполные.

— Неполные? Вы хотите сказать, что не знаете, что произошло с кем-либо из них?

— Учитывая общегалактические масштабы информации нет никакой тайны в том, что некоторые данные... теряются по пути.

— Хотел бы Эмиль услышать это от вас, — сказал Сюркуф, широко усмехнувшись. — Значит, вы не знаете, что случилось с Гефестом или предыдущими должностными лицами, и не знаете, что произошло с тех пор, как Парацельс добрался сюда.

— Я начинаю уставать от ваших постоянных расспросов, капитан Сюркуф.

— А я начинаю уставать от ваших постоянных недомолвок, — парировал Робаут. — Если на станции есть экипаж, почему они не отвечают? Если там всё в порядке, почему вы перестраиваете эскорты для атаки? Вы думали, я не замечу это? Я вас умоляю...

— Всего лишь обычные меры предосторожности, капитан.

— Позвольте дать вам бесплатный совет, архимагос. Никогда не играйте с Эмилем Надером в рыцарей и плутов.

— Разъяснение: я не понимаю смысла вашего последнего замечания.

— Потому что вы — плохой лгун, Лексель Котов. Вы также хорошо, как и я понимаете, что со станцией что-то не так. Происходит что-то очень необычное и вы не знаете, что именно, верно?

— В настоящее время ситуация на манифольдной станции неизвестна, — согласился архимагос. — Но когда я исследую её, то уверен, что обнаружу логичные ответы.

— Вы собираетесь высадиться на эту штуку?

— Я — эксплоратор. Это моя работа.

— Не хотел бы оказаться на вашем месте.

— Уверяю вас, нет никакой опасности.

Сюркуф оглянулся на экран, изображение терпеливого паука повернулось к Котову, и вольный торговец снова сотворил аквилу.

— На вашем месте я бы взял Чёрных Храмовников. На случай, если вы ошибаетесь.

Несмотря на массовое убийство тысяч крепостных мало что изменилось в повседневной рутине обитателей подпалубных помещений. Из других смен перевели новых рабов и бригаду Авреема, Хоука и Койна пополнили кибернетикой. Десятки мускулистых сервиторов с остекленевшими взглядами выполняли приказы молча, без ропота и возражений.

Слухи о произошедшем на нижних палубах распространились подобно сифилису, как и рассказы о чудесном спасении небольшой группы. Авреем видел, как странно люди смотрели на него, и Хоуку пришлось объяснить, что остальные крепостные трепетали перед ним. Это его предупреждение спасло четырёх человек, и прошла молва, что он — избранный Машиной, что он — тайный пророк Омниссии, который нёс Его благословение самым скромным из Его слуг.

Скоро он начал находить у своей койки безделушки из мусора, оставленную в подарок еду и воду или курительные палочки. Сначала он пытался отказываться от подобных подношений, но все попытки преуменьшить свою роль в событиях в перерабатывающем зале, похоже, только улучшали его репутацию.

— Но я не избранный Машиной, — пожаловался он как-то ночью компаньонам, когда они сидели в битком набитой столовой и ели ещё более пресную кашу. Если раньше единственными звуками в гигантском зале были плеск питательного бульона и стук пластмассовых ложек, то теперь на заднем фоне слышался низкий гул почтительного шёпота.

— Откуда ты знаешь? — спросил Хоук. — Только воистину божественные отрицают свою божественность. Разве не так говорится в Книге Тора?

Койн и Авреем искоса посмотрели на него. И даже Крушила выглядел удивлённым.

— Не думал, что ты религиозен, Хоук, — сказал Авреем.

Хоук пожал плечами. — Обычно я не молюсь и не занимаюсь подобной ерундой, но всегда следует знать, кого звать на помощь в беде. Ну, на тот случай, если они слушают. И мне всегда нравилась история Себастьяна Тора. Он противостоял богачам и спровоцировал цепь событий, которая сокрушила высшего лорда. Подобные истории мне по душе.

— Это не просто история, — заметил Койн. — Это — Священное писание. Значит, она истинна.

— Почему? Потому что ты прочитал её в книге или потому что какой-то жирный проповедник рассказал её тебе, когда ты был маленьким? Даже если она и действительно произошла, то это случилось так давно, что её могли изменить. Знаешь, раньше я любил слушать истории в темплуме об армиях Императора, покорявших галактику и сражавшихся с врагами пламенными болтерами и чистой храбростью. Я притворялся героем и бегал с деревянным мечом по всем площадкам школы, побеждая, словно я был Махарием или типа того.

— Я видел его, — сказал Авреем. — В молитвеннике для религиозных процессий Полей Основания есть статуя Махария и Лисандра. Без обид, Хоук, но ты слишком уродлив, чтобы быть воителем.

— И ты не прекрасный Сеян, — усмехнулся Хоук.

Авреем натянуто улыбнулся. У каждого из них выпало немало зубов, а кожа стала песчаной и пергаментно-жёлтой. Волосы Авреема, которыми он очень гордился в молодости, начали осыпаться клоками, и поэтому они решили наголо выбрить головы. Если Механикус хочет превратить их в одинаковых дронов — то так и будет.

— Но тогда я ещё был ребёнком, — продолжил Хоук. — Раньше я думал, что Император и Его сыновья наблюдают за нами, но когда я вырос, то понял, что никто не присматривает за мной. Единственный человек, который присматривает за Хоуком, — Хоук.

— Давай, — произнёс Авреем, отодвинув поднос. — Пойдём выпьем.

— Лучшая идея за день, — согласился Койн, и они вчетвером встали из-за стола, и направились к тесным коридорам, которые вели к спрятанному самогонному аппарату Хоука. Разгерметизация нижних палуб не коснулась странного зала, и Хоук заявлял, что это является знаком, что Омниссии пришёлся по душе его способ поддержания производства и извлечения прибыли.

Головы склонялись, когда они проходили мимо, и Авреем слышал шёпот молитв. Худые руки тянулись к их рабочим комбинезонам, и он старался не встречаться взглядом с людьми, которые смотрели на него с чем-то, что он давно утратил.

С надеждой.

К счастью они покинули столовую и углубились в коридоры, пронизывающие тяжёлые переборки и бесчисленные вспомогательные помещения технической палубы. Их окружали стены из чёрного железа, капающие горячим маслом и шипевшие влажным паром. Мрак стал желанной передышкой, сменив резкий ослепительный свет рабочих зон. Хоук шёл первым, хотя бывший гвардеец не переставал утверждать, что так и не смог запомнить путь к дистиллятору. Авреем давно перестал пытаться ориентироваться. Казалось, что путь менялся каждый день, но, сколько бы поворотов они не делали, ноги всегда безошибочно приводили их в арочный зал, который с каждым новым посещением всё больше напоминал склеп.

— Какого... — произнёс Хоук, повернув за последний угол.

Не они были первыми, кто пришёл сюда сегодня вечером.

Исмаил де Ровен стоял на выложенной шестиугольной плиткой дорожке, которая заканчивалась в блокирующей стене с плохо различимыми надписями. Сервитор вытянул руку и упирался ладонью в стену. Оптика Авреема зафиксировала мимолётные проблески шипящего кода из-за стены, но осторожный бинарный код отступил, как только почувствовал его внимание.

— Что он здесь делает? — удивился Койн.

— Понятия не имею, — ответил Хоук. — Но мне это не нравится.

— Исмаил? — произнёс Авреем, приближаясь к сервитуру, в которого превратили их бывшего начальника. Сейчас их смена больше чем на треть состояла из кибернетики, и Авреем испытал странное облегчение, узнав, что Исмаил не погиб во время вентилирования на нижних палубах. С другой стороны, то, что кроме них уцелела ещё одна частичка прошлой жизни, казалось предзнаменованием, но вот только чего именно?

Койн щёлкнул пальцами перед лицом Исмаила, но тот не отреагировал. Маслянистые капли падали из труб на потолке и барабанили по макушке мерцающего черепа.

— Такое чувство, что он плачет, — сказал Авреем, вздрогнув, когда увидел вмятину в металле на левой половине головы сервитора. Пусть Исмаил и пережил травму взрывной декомпрессии, раны он не избежал.

— Сервиторы не плачут, — возразил рассердившийся Хоук. — Давай вытащим его отсюда.

— Он не делает ничего плохого.

— Да, но если кто-то заметит его отсутствие, то начнёт искать, придёт сюда и увидит всё это.

Авреем кивнул, соглашаясь с логикой Хоука. — Отлично, — сказал он. — Я отведу его назад в столовую.

Он поднял руку, собираясь опустить её на локоть сервитора.

Исмаил посмотрел на него.

Его лицо покрывали чёрные полосы масла и смазки, и Авреем отпрянул, задохнувшись от изумления, когда увидел замешательство и отчаяние.

Исмаил вытянул руку, и на ней замерцала подкожная татуировка.

— Савицкас...? — произнёс он.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/657196>